

АНИЛ АНАНТАСВАМИ

УМ ТРОНУЛСЯ, ГОСПОДА!

АНОМАЛИИ МОЗГА
ГЛАЗАМИ НЕЙРОБИОЛОГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 616.895
ББК 56.14-324
А64

Анантасвами, Анил.

А64 Ум тронулся, господа! Аномалии мозга глазами нейробиолога / Анантасвами Анил, пер. Е. Ивановой — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 288 с. — (Понятная медицина).
ISBN 978-5-17-146243-7.

Автобиографические истории в традициях клинических рассказов Оливера Сакса о таких нейротипических состояниях, как аутизм и шизофрения, болезнь Альцгеймера и эпилепсия, синдром Котара и синдром нарушения целостности восприятия собственного тела, лежат в основе книги Анила Анантасвами, индийского научного журналиста и ученого. Расследуя связи между телом, разумом, личностью и обществом, он с мастерством настоящего детектива сочетает научный и жизненный опыт своих героев. Анантасвами, представляя нам трогательные истории из жизни людей из самых разных уголков света, рассказывает об интересных достижениях современности и в то же время заставляет задуматься, а кто же мы на самом деле.

Эта книга позволит вам совершить увлекательное и слегка пугающее путешествие в глубинные вопросы человеческой природы и заново открыть чудо быть собой.

УДК 616.895
ББК 56.14-324

ISBN 978-5-17-146243-7

© Анантасвами А., 2022
© Иванова Е. А., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Тем, кто хочет отпустить, но не понимает,
кто должен что отпустить.*

Переводчик выражает особую признательность Д.Г. Литинской, кандидату философских наук, доценту кафедры клинической психологии РАНХиГС, за помощь в работе над этой книгой.

Кажется невероятным, что нецентрическая вселенная, во всей ее пространственно-временной необъятности, создала именно меня...

Ничего на меня похожего никогда не было, но вдруг в определенное время и в определенном месте появился определенный материальный организм, который есть я, откуда этот организм существует. Почему к этому приводит существование одного представителя одного вида?

Томас Нагель

ПРОЛОГ

Притча о человеке, пожранном людоедом, впервые встречается в древнеиндийском буддистском тексте учения Мадьямика («Срединный путь»). Текст датируется примерно 150–250 гг. н. э. и являет весьма неприглядную картину буддистского представления о природе личности.

Некий путник в далекой стране находит опустевший дом и решает в нем переночевать. В полночь в дом приходит людоед, который приносит труп и кладет его рядом с путником. Вскоре появляется второй людоед, и они начинают спор о том, кто же первым принес мертвеца. Каждый из них утверждает, что труп принадлежит ему. Не придя к согласию, они обращаются к путнику с просьбой рассудить, кто же из них принес труп.

Путник, понимая тщетность лжи, — потому что если его не убьет первый, то это сделает второй, — говорит правду: мертвеца принес первый людоед. Второй, озлобившись, отрывает путнику руку. То, что происходит дальше, придает притче зловещий оборот. Первый людоед немедленно отрывает руку от трупа и приделывает ее на место оторванной у путника. И понеслось: второй отрывает у путника часть тела, а первый тут же заменяет ее на такую же, взятую у мертвеца. В итоге они заменили все: руки, ноги, туловище и даже голову. Наконец, два людоеда обедают трупом досыта и уходят.

Путник, которого людоеды оставили в доме, потрясен происшедшим: тело, в котором он родился и вырос, съе-

дено монстрами, а то, в котором он оказался, собрано из совершенно других частей. Так есть у него тело или нет? Если да, то его ли это тело — или чужое? Если же нет, то что ему делать с останками, на которые он смотрит?

На следующее утро наш герой, недоумевая, продолжает путь. Наконец, он встречает группу буддистских монахов и спрашивает их: «Существую я или нет?» Монахи отвечают встречным вопросом: «А ты кто?» Путник не знает ответа. Он даже сомневается в том, что он — личность, и рассказывает монахам о встрече с людоедами.

Что бы ему ответили современные нейробиологи на вопрос «Кто я»? Пускай некоторые наверняка бы указали на невозможность чего-то подобного с точки зрения биологии, у них все равно бы нашлись любопытные ответы на данный вопрос. Такие ответы и попытки понять, что же есть «я», и составляют эту книгу.

Глава 1

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

*Кто же говорит:
«Меня не существует»?*

Людем дблжно знать, что мозг, и только мозг, есть средоточие наших удовольствий, радостей, смеха и деяний, а равно горестей, страданий и слез... Все наши страдания — в мозге. Безумие же — плод его разжижения.

Гиппократ

Стоит мне попытаться уловить это «я», существование которого для меня несомненно, определить его и резюмировать, как оно ускользает, подобно воде между пальцами.

Альбер Камю, «Миф о Сизифе»

Адам Земан никогда не забудет тот телефонный звонок. Это было, как он потом вспоминал, похоже на скетч «Монти Пайтон»: его просил немедленно приехать психиатр. В психиатрическом отделении был пациент, утверждавший, что его мозг умер. Земану показалось, что его вызывают скорее в реанимацию. Однако, как он мне сказал, «такой звонок вряд ли поступит из отделения интенсивной терапии».

Пациенту, Грэму, было 48 лет. Расставшись со второй женой, он впал в глубокую депрессию и попытался покончить с собой. Он наполнил ванну, залез в нее и бросил туда электрическую грелку, надеясь, что его убьет током. К счастью, сработал предохранитель и Грэм остался жив. «На первый взгляд с ним ничего не случилось, но спустя несколько недель он уверовал в то, что его мозг умер», — рассказывал Земан, профессор неврологии в Эксетерском университете в Англии.

Это было весьма четкое убеждение, из-за которого Земану пришлось вести очень странные разговоры. «Смотрите, Грэм: вы меня слышите, видите, понимаете мои слова, помните свое прошлое и можете внятно выражаться. Ваш мозг, безусловно, работает», — говорил он пациенту. Тот отвечал: «Нет-нет, мой мозг умер. Мой разум жив, но мозг — мертв».

Хуже того: Грэм после неудачной попытки самоубийства был в смятении. «Он был будто бы воскрешенным или полумертвым», — говорил Земан. — «Он

проводил немало времени на кладбищах, полагая, что там он среди своих».

Земан задавал Грэму множество вопросов, пытаясь докопаться до сути его убеждения. Было ясно, что изменилось восприятие Грэмом самого себя и мира, и изменилось фундаментально. Ему казалось, что больше не нужно есть и пить. Он перестал получать удовольствие от вещей, которые раньше ему нравились. «Вот он закурил — и ничего». Грэм утверждал, что ему не хочется и не нужно спать. Конечно, он и ел, и пил, и спал — но его желания и ощущения очень сильно потускнели.

Грэм потерял то, что есть у всех нас: остроту наших собственных желаний и эмоций. Страдающие деперсонализацией часто говорят о такой эмоциональной пустоте; то же самое бывает и при депрессии, когда эмоции теряют остроту. Однако у этих пациентов нет таких устойчивых представлений о своем несуществовании. У Грэма потеря живости ощущений была столь заметной, что, как сказал профессор Земан, «на основе таких изменений он пришел к выводу, что его мозг умер».

Земан считает, что у такого сильного расстройства есть два основных фактора. Первый — сильнейшее изменение качества самоощущения и мироощущения: в случае с Грэмом у того будто выдернули из-под ног коврик эмоций. Второй — изменение способности рационализировать эти ощущения. «Здесь, — говорит профессор, — истинно и то и другое».

Мания Грэма была непреклонна перед свидетельствами обратного. В разговорах с Земаном он почти сдавался и практически видел, что его представление ложно. Он признавал, что весь спектр его умственных способностей на месте: он мог видеть, слышать, говорить, думать, запоминать и так далее.

— Грэм, очевидно, что ваш разум жив, — говорил Земан.

— Да-да, разум жив.

— Разум прямо связан с мозгом; так что, несомненно, жив и ваш мозг.

Но Грэм на эту уловку не попался: «Он говорил: “Разум-то жив, а вот мозг — мертв. Он умер тогда в ванне”. Можно было предъявить ему доказательства, казавшиеся неопровержимыми, но он отказывался их признавать», — рассказывал мне Земан. Интереснее всего было то, что у пациента развилась такая яркая иллюзия ощущения себя мертвым потому, что он считал мертвым свой мозг. Приняла бы она другую форму в эпоху, когда юридическое определение смерти не подразумевало смерть мозга?

За всю свою медицинскую практику Земан лишь однажды встречал пациента, считавшего себя мертвым. В середине 1980-х годов, когда он был врачом-стажером в Бате, в Англии, ему пришлось лечить женщину, измученную несколькими серьезными операциями на кишечнике и испытывавшую сильный голод: «В итоге она впала в сильную депрессию и убедила себя в том, что она умерла. Это, как ни странно, мне казалось понятным, потому что она была очень сильно травмирована».

Земан заметил у Грэма схожие симптомы и диагностировал у него синдром Котара — расстройство, которое впервые выделил и описал французский невролог и психиатр XIX века Жюль Котар.

* * *

Если вы пройдете по улице Медицинской школы (улица Эколь де Медсин) (rue de l'École-de-Médecine) в 6-м округе Парижа, вы увидите впечатляющую колоннаду. Выдающийся образец французского неоклассицизма, она образует портик здания Университета Париж Декарт. По замыслу архитектора Жака Гондуэна, создавшего этот фасад в конце XVIII века, он, привлекая внимание, кажется открытым и гостеприимным.

Я пришел в отдел редких рукописей библиотеки Школы медицины, чтобы взглянуть на документ, по-

священный Жюлю Котару. Это панегирик, написанный Антуаном Ритти, другом и коллегой Котара, в 1894 году, спустя почти пять лет после его смерти. Котар самоотверженно выхаживал дочь Ритти, больную дифтеритом, но заразился сам и умер в 1889 году. Мы знаем о Котаре в основном из этой речи, экземпляра которой, в числе других текстов, хранится под кожаным переплетом старинного тома с простой надписью на корешке: РАЗЛИЧНЫЕ БИОГРАФИИ (MÉLANGES BIOGRAPHIQUES). Я листаю страницы текста Ритти. На первой странице — рукописная пометка «В знак высочайшего уважения» и подпись: *Ant. Ritti*.

Котар более всего известен описанием того, что называется бредом отрицания (*nihilistic delusions, délire des négations*)¹. Однако до того, как придумать это определение, Котар впервые описал «бред ипохондрика в сильной меланхолии» в своем докладе на заседании Французского медико-психологического общества 28 июня 1880 года. В пример он привел случай 43-летней женщины, которая утверждала, что «у нее “нет мозга, нервов и внутренностей, а только кожа да кости”, а также, что “нет ни бога, ни дьявола”, и что ей не нужна пища, потому что “она вечна и будет жить вечно”. Она просила сжечь себя заживо и неоднократно пыталась покончить с собой».

Вскоре Котар ввел термин «бред отрицания», а после его смерти медики назвали этот синдром в его честь. Со временем «бред Котара» стал обозначать самый яркий симптом этого синдрома — уверенность пациента в том, что он мертв. Тем не менее синдром включает в себя набор симптомов, в число которых уверенность в своей мертвости или собственном несуществовании входит отнюдь не всегда. Другие симптомы — уверенность в том,

---

¹ В русскоязычной психиатрической литературе также встречаются термины «нигилистический бред» и «ипохондрический бред».

что различные части тела или органы отсутствуют либо гниют, чувство вины, ощущение себя проклятым или обреченным и, как ни парадоксально, даже убежденность в собственном бессмертии.

Однако с философской точки зрения интереснее всего как раз вера в собственное небытие. До недавних пор краеугольным камнем западной философии являлось изречение французского философа XVII века Рене Декарта: «Я мыслю, следовательно — существую» (*Cogito ergo sum*). Декарт установил четкий дуализм разума и тела: тело принадлежит материальному миру, занимает пространство и существует во времени, тогда как сущность разума есть мысль, и он не простирается в пространство. Для Декарта *cogito* («я мыслю») не обозначало мыслительный процесс как «четкое и ясное интеллектуальное восприятие, не зависящее от чувств». Учение Декарта подразумевает, согласно философу Томасу Метцингеру, что «человек не может ошибаться относительно содержания своего разума».

Этот посыл картезианства искажается при многих расстройствах, включая болезнь Альцгеймера, при которой пациенты не отдают себе отчета о своем состоянии. Синдром Котара — также большая загадка. Метцингер утверждает, что нам стоит обратить внимание на то, каково это — страдать синдромом Котара; на то, что философы называют *феноменологией* расстройства. «Пациенты могут не только четко заявлять, что они мертвы, но и то, что они не существуют вовсе». Хотя заявления явно живого пациента о том, что он мертв, кажутся до невозможности нелогичными, они-то и составляют феноменологию синдрома Котара.

Я вышел из библиотеки на улицу Эколь де Медсин и обернулся, чтобы снова взглянуть на надпись «Университет Рене Декарта», высеченную в камне над колоннадой. В поисках следов Котара в университете имени Декарта была какая-то интрига. Что говорит расстройство,

названное в честь Котара, о картезианстве? Не говорит ли пациент с синдромом Котара: «Я мыслю, следовательно — *не существую?*»

«Кто тот Я, который знает, что у меня есть телесное Я, образ Я, чувство самоидентичности во времени и личные стремления? Я знаю все это и, более того, я знаю, что я это знаю. Но кто обладает этой познавательной перспективой?»¹.

Вот именно — кто? Лиричные рассуждения американского психолога Гордона Олпорта в абзаце выше формулируют главную загадку человеческого бытия. Мы инстинктивно и в мельчайших подробностях знаем, кого он имеет в виду. Он здесь, когда мы просыпаемся, и исчезает, когда мы засыпаем, — возможно, затем, чтобы появиться в наших снах. Это ощущение прикрепленности к телу, которым мы владеем и распоряжаемся и посредством которого мы воспринимаем мир. Это чувство персональной идентичности, растянутое во времени, от самых первых воспоминаний и дальше, в воображаемое будущее. Все это увязано в единое целое. Это — наше самосознание. И все же, хотя ближе себя самого никого нет, познание природы «себя» остается величайшей задачей.

Очевидно, что самость, — *self*, — завораживала человечество на протяжении всей его истории. Павсаний, греческий путешественник и географ II века н. э., приводит изречения семи мудрецов с фронтона Аполлона в Дельфах. Одно из них — «познай себя».

Кена-упанишада, один из самых аналитичных и метафизических индуистских текстов, начинается так: «*Кем посылается ум, что попадает в свою цель? <...> Кем приведено в движение слово, что говорят люди? Кто предназначил глаз и ухо к их работе?*»². Блаженный Августин говорил о времени, но вполне мог сказать так о «я»: «*Если*

---

¹ Пер. Д.А. Леонтьева.

² Пер. Л.Г. Ованесбекова, сокращенный.

никто меня о нем не спрашивает, то я знаю — что, но как объяснить вопрошающему — не знаю»¹.

От Будды до современных философов и представителей нейронаук люди ломают голову над природой личности. Реальна ли она или это только иллюзия? В мозге ли личность, и если да, то где она там? Нейронауки говорят, что наше самоощущение — следствие сложнейших взаимодействий между мозгом и остальным телом, процессов в нервной системе, которые изменяют личность миг за мигом, и эти мгновения сливаются воедино, давая нам целостное ощущение индивидуальности. Мы часто слышим, что личность — это иллюзия, сложнейший трюк, разыгранный природой. Однако все рассуждения о трюках и иллюзиях скрывают главную истину: убери личность — и не будет никакого «я», которое можно было бы одурачить, а иллюзия лишится объекта.

* * *

От Университета Декарта примерно полчаса пешком по Рю де Эколь (rue des Écoles), мимо Национального музея естественной истории, до больницы Питье-Сальпетриер, где Жюль Котар начал свою карьеру интерном в 1864 году. Туда я пришел на встречу с Дэвидом Коэном, руководителем отделения детской и подростковой психиатрии.

За время своей врачебной практики Коэн наблюдал немало пациентов с синдромом Котара, что, учитывая редкость этого расстройства, дало ему возможность как следует к нему присмотреться. Мы говорили о конкретной пациентке — пятнадцатилетней Мэй, одной из самых молодых больных синдромом Котара, известных науке. Коэн ее не только лечил, но и много общался с ней после выздоровления, что позволило ему установить связь ее

---

¹ Аврелий Августин, «Исповедь», кн. XI, гл. XIV, пер. Д. Подгурского.